

ПЕТЕРБУРГСКИЕ МЫТАРСТВА

Холодно и неприветливо встретил молодого человека огромный город, в котором у него не было ни родных, ни знакомых. На первых порах он поселился в какой-то грязной гостинице, где брали за сутки не меньше двух рублей. Деньги таяли прямо на глазах, и вскоре пришлось ему перебраться на дешевую квартиру, куда-то в район Малой Охты; точных сведений об этом не сохранилось.

В первые же дни столичной жизни перед Некрасовым встали неотложные вопросы: как поступить учиться и как начать печататься? Прежде всего он решил отправиться с рекомендательным письмом к жандармскому генералу Д. П. Полозову, брату ярославского приятеля Алексея Сергеевича Некрасова. Перед отъездом сына Алексей Сергеевич снабдил его этим письмом, считая, что оно облегчит поступление в Дворянский полк. Расчет был верен: петербургский Полозов уже был готов взяться за дело, когда Некрасов признался, что хотел бы вместо военного заведения, поступить в университет. Он прибавил, что чувствует сильную склонность к литературным занятиям, вряд ли совместимым с военной службой.

Генерал Полозов и его жена одобрили мысль об университете и посоветовали Некрасову, не откладывая, начать готовиться к экзаменам. Вскоре они написали о таком обороте дела в Ярославль. Алексей Сергеевич был крайне раздражен таким противодействием его воле. Тут же он отправил в Петербург гневное письмо, требуя послушания и угрожая оставить сына без материальной поддержки.

Некрасов проявил твердость характера, хотя отлично знал, что с отцом шутки плохи. Он написал грубый ответ, который заканчивался такими словами: "Если вы, батюшка, намерены писать ко мне бранные письма, то не трудитесь продолжать, я, не читая, буду возвращать вам письма". После этого ему оставалось надеяться только на самого себя и самостоятельно устраивать свою судьбу.

"Я был один-одинехонек в огромном городе, наполненном полумиллионом людей, которым решительно не было до меня никакой нужды". Эти слова Тихона Тростникова, героя незаконченного автобиографического романа, несомненно, вобрали в себя первые впечатления, испытанные молодым Некрасовым в столице {Множество подробностей жизни Некрасова в Петербурге содержится в его ранних прозаических произведениях. Конечно, они не могут считаться точным изложением фактов, однако автобиографический элемент в них очень силен; некоторые детали настойчиво повторяются в рассказах и романах, написанных в ранние годы (например, "Без вести пропавший пиита" - 1840; "Повесть о бедном Климе" - 1842-1843; "Жизнь и похождения Тихона Тростникова" - 1843-1848). Это не позволяет сомневаться в достоверности таких деталей, тем более что многие из них подтверждаются воспоминаниями современников.}. Он начал скитаться по петербургским трущобам - по углам и подвалам, где ютились бедность и нищета. Надвигавшаяся зима не сулила ничего хорошего. Однако врожденная стойкость характера, сила воли, присущая ему с юности, помогли выдержать суровые испытания.

"Я дал себе слово не умереть на чердаке", - вспоминал об этом времени Некрасов. Помогли ему и те люди, с которыми столкнула его судьба. Еще в первое время пребывания в Петербурге Некрасов встретил нескольких своих товарищей по ярославской гимназии, которые горячо поддержали мысль о поступлении в университет, куда и сами собирались поступать. А один из них, Андрей Глушицкий, уже студент университета, взялся подготовить своего земляка к экзаменам по математике и физике.

Тогда же, в первые месяцы столичной жизни, Некрасов познакомился с офицером Николаем Федоровичем Фермером, преподавателем инженерного училища. Это был добрейший и благороднейший человек, поставивший своей целью борьбу со злоупотреблениями, проповедовавший бескорыстие (об этом, как и о печальной судьбе Фермера, впоследствии рассказал Н. С. Лесков в очерке "Инженеры-бессребреники"). Некрасов

подружился со всей семьей Фермеров, бывал у них в доме; в альбом Марии Фермер (сестры) он записал одно из ранних своих стихотворений ("На скользком море жизни бурной").

Оказалось, что новый приятель Некрасова знаком с литератором Николаем Полевым; в то время он был редактором "Сына отечества", органа "официальной народности", журнала, в который никогда не обратился бы зрелый Некрасов. Но тогда он обрадовался возможности отнести свои стихотворные опыты известному редактору. Устами героя автобиографического романа "Жизнь и похождения Тихона Тростникова" Некрасов так рассказал об этом:

"Я решительно не имел тогда никакого понятия о журнальных партиях, отношениях, шайках - я думал, что литература... есть семейство избранных людей высшего сорта, движимых бескорыстным стремлением к истине... я думал, что литераторы... как члены одного семейства, живут между собою как братья, и если возникают между ними порою споры и противоречия, то не иначе, как за святость и чистоту прав науки и жизни, которым они служат в пользу..."

С таким наивным убеждением он вместе с Фермером и явился к редактору "Сына отечества". Свидетельством их встреч служат записи, сохранившиеся в дневнике Полевого: "Вечером был Фермер и юноша Некрасов" (3 октября 1838 года); "Вечером поэт Некрасов с Фермером" (30 октября 1838 года).

Сердце юноши сильно билось, когда редактор взял тетрадку и, развернув наудачу, начал читать стихи. Ведь от того приговора, который сейчас будет произнесен, зависит вся его судьба! Но вот редактор прочитал вслух стихотворение, в котором описывалась ночь, озаряемая полной луной, и сказал: - Хорошо, почтеннейший, а сколько вам лет? Получив ответ, он повторил: - Очень хорошо. Я непременно напечатаю одно из ваших стихотворений. О том, что было дальше, можно с большей или меньшей точностью представить себе, обратившись к тому же роману о Тростникове.

Развеселившийся, вернулся поэт в свою каморку, где к этому времени уже не было ни свечи, ни куска хлеба. И что всего хуже - сапоги совсем развалились. "Три дня лежал я на ковре своем, обдумывая свое положение... Сидеть было не на чем, да и не для чего: не было ни огарочка, в комнате была глубокая тьма. Не могу, однако ж. сказать, что я скучал. На сердце у меня было довольно легко и весело... Я знал, что когда-нибудь выйду из такого положения, и никак не хотел верить очевидной и близкой истине, что могу умереть с голоду".

Прошло совсем немного времени, и вот в октябрьском номере "Сына отечества" за 1838 год появилось стихотворение "Мысль" с полной подписью автора и с примечанием, сделанным Полевым, где сообщалось, что это "первый опыт юного, шестнадцатилетнего поэта". В стихотворении шла речь о дряхлости мира, и оно явно было навеяно литературными образцами. Тем не менее в нем нельзя было не заметить способности автора к стихотворству, умения строить поэтическую речь. Легко представить себе его радость.

Правда, спустя несколько лет поэт иронически отзывался о своих переживаниях дебютанта: "Забуду ли тот нелепый восторг, который заставлял меня бегать высуня язык, когда я увидел в "Сыне отечества" первое мое стихотворение, с примечанием, которым я был очень доволен". Но в те дни он, разумеется, видел себя наверху блаженства. Да и в самом деле это был немалый успех - ведь прошло каких-нибудь три месяца, как он приехал в столицу! Ему еще не исполнилось семнадцати лет, а стихи с его фамилией уже напечатаны в журнале!

В ноябре "Сын отечества" снова заставил ликовать молодого поэта: он нашел в нем два своих стихотворения: они назывались "Безнадежность" и "Человек". В январе 1839 года появилась элегия "Смерти"; затем весной еще два стихотворения были напечатаны в "Литературных прибавлениях" к "Русскому инвалиду", а в июле "Библиотека для чтения" Сенковского поместила стихотворение "Жизнь" - пожалуй, наиболее содержательное среди всех этих ранних опытов. Под явным впечатлением лермонтовской "Думы", как бы продолжая ее обличительную тему, молодой автор обращался с укором к современникам:

... Но чуждо нам добро, искусства нам не новы,
Не сделав ничего, спешим мы отдохнуть;
Мы любим лишь себя, нам дружество - оковы,
И только для страстей открыта наша грудь.

Дальше в стихотворении говорилось о "бездейственной лени", о "тайном холоде неверья" и т. д.

Интересно, что даже первые произведения, с которыми Некрасов появился в печати, несмотря на всю их незрелость, были замечены критикой. Так, уже в начале 1839 года в официальном "Журнале министерства народного просвещения" был помещен обзор газет и журналов, автор которого (рано умерший поэт и критик Федор Мен-цов) нашел нужным в массе текущей стихотворной продукции выделить несколько стихотворений Некрасова, разбросанных по журналам. "Не первоклассное, но весьма замечательное дарование, - говорилось в этом обзоре, - нашли мы в г. Некрасове, молодом поэте, только в нынешнем году выступившем на литературную арену. С особенным удовольствием прочитали мы две пьесы его: "Смерти" и "Моя судьба", из них особенно хороша первая... Приятно надеяться, что г. Некрасов окажет дальнейшие успехи в поэзии, в дарах которой не отказала ему природа".

Правда, в дальнейшем выяснилось, что Менцов, сам писавший стихи в духе вырождающегося романтизма, увидел в Некрасове своего единомышленника и решил поддержать его на пути, который вовсе не был настоящим его путем. Спустя год, отмечая новые стихи Некрасова, он на страницах того же журнала уже прямо заявил, что "начала религии и чистой нравственности" должны управлять вдохновением поэта. Но любопытен самый факт: даже дебюты Некрасова нашли отклик в печати.

* * *

Итак, в первые месяцы петербургской жизни молодой человек уже был окрылен успехом. Однако очень скоро выяснилось, что "Сын отечества", да и другие журналы платят за стихи сущие гроши или не платят вовсе, считая, что для начинающего автора достаточно одной чести быть напечатанным. Выяснилось, кроме того, что надо готовиться к университетским экзаменам и что голод стучится в двери в самом буквальном смысле слова.

На этот раз его выручил случай. Он где-то познакомился с учителем духовной семинарии Д. И. Успенским, и тот не только обещал выучить молодого человека латыни, необходимой для экзамена, но и пригласил его жить к себе на Малую Охту. Темный чулан за перегородкой отныне стал его квартирой. Но гостеприимный хозяин оказался пьяницей. Он пил запоем по несколько недель, потом приходил в себя и принимался за латынь. Уроки, казалось, шли хорошо, но ненадолго - вскоре опять начинался запой.

Желание поступить в университет, обрести право на жизнь было так велико, что Некрасов упорно продолжал готовиться к экзаменам - вопреки бедности, вопреки необходимости искать любую, даже самую неблагодарную, работу, чтобы не умереть с голоду. С завистью смотрел он на каждого юношу, одетого в студенческую форму. Поступить в университет стало его единственной целью и мечтой. Но мечта эта развеялась как дым чуть ли не в первый же день экзаменов, которые он начал сдавать на факультет восточных языков. Это было в июле 1839 года, ровно через год после приезда в столицу. Слабо подготовленный, несмотря на старания Глушицкого и Успенского, он только по российской словесности получил относительно приличную отметку - тройку. По другим предметам пошли сплошные единицы, и Некрасов отказался от экзаменов: двух единиц было достаточно, чтобы быть не принятым.

Удрученный провалом, он все-таки не расстался с мыслью об университете и той же осенью поступил вольнослушателем на философский факультет, причем был освобожден от платы за слушание лекций: отец прислал ему свидетельство от ярославского предводителя дворянства о своем "недостаточном состоянии". А на следующий год он снова попытался сдать вступительные экзамены, на этот раз на юридический факультет, и опять не был принят. Правда, теперь отметки его были гораздо лучше: по словесности профессор А. В. Никитенко 29 поставил ему пятерку. Но по математике и языкам (греческому, немецкому, французскому) его

знания были явно недостаточны: тогда экзаменовали по четырнадцати предметам, среди которых были логика, география и статистика, четыре иностранных языка...

Как бы то ни было, но с мечтой об университете было покончено. Обида и огорчение его были велики, - об этом хорошо рассказано на страницах романа о Тростникове.

Некоторое время Некрасов еще числился вольнослушателем, но вряд ли он посещал университетские занятия после второй своей неудачи: мысли его и интересы были уже устремлены в другую сторону.

* * *

В конце 1839 года пришлось расстаться с Успенским и его чуланом, где Некрасов прожил около полугода. Снова начались скитания по углам, поиски заработка, тяжелая борьба за существование.

За что только не брался он в эти годы, чтобы добыть хоть несколько копеек! Иногда он по утрам отправлялся на Сенную площадь, где были торговые ряды, и там за пятак или кусок хлеба писал крестьянам письма и прошения. А если такой работы не находилось, то шел в казначейство и там расписывался за неграмотных. Он переписывал бумаги, роли, давал уроки за грошовую плату, составлял по заказу афиши, азбуки, объявления. Позднее по заказу же в силу крайней нужды писал водевили, фельетоны, пародии, переделывал или пересказывал чужие рассказы...

- Ровно три года, - говорил много лет спустя Некрасов одному из своих знакомых, - я чувствовал себя постоянно, каждый день голодным. Приходилось есть не только плохо, не только впроголодь, но и не каждый день. Не раз случалось ему отправляться в один ресторан на Морской, где разрешалось читать газеты, ничего не заказывая; там он брал для виду газету, а сам придвигал к себе тарелку с хлебом и укладкой ел...

В зимнюю стужу и в осеннюю слякоть его можно было встретить на Невском, насквозь продрогшего, в легком пальто, в дырявых сапогах и соломенной шляпе. Артистка А. И. Шуберт, сестра режиссера Н. И. Куликова, приятеля Некрасова, встречавшая его в начале 40-х годов, то есть в то время, когда самые трудные дни уже остались позади, писала в своих воспоминаниях: "Особенно жалким казался Некрасов в холодное время. Очень бледен, одет плохо, все как-то дрожал и пожимался. Руки у него были голые, красные, белья не было видно, но шею обертывал он красным вязаным шарфом, очень изорванным. Раз я имела нахальство спросить его:

- Вы зачем такой шарф надели?

Он окинул меня сердитым взглядом и резко ответил:

- Этот шарф вязала моя мать..."

Нет ничего удивительного в том, что еще в первое время столичной жизни он сильно заболел от утомления, голода и простуды. Жил Некрасов в это время на Разъезжей улице, в деревянном флигельке, у какого-то отставного унтер-офицера. За время болезни он задолжал хозяевам, кормившим его, около сорока рублей, и это внушило им беспокойство. За перегородкой постоянно слышались тревожные разговоры, что вот-вот-де жилец умрет и тогда деньги пропадут.

Наконец в один прекрасный день хозяин квартиры, подгоняемый хозяйкой, явился к больному и откровенно объяснил ему свои опасения. Тут же он попросил написать расписку в том, что жилец согласен оставить ему в счет долга свои пожитки - чемодан, книги и все остальные нехитрые "вещички". Расписка, конечно, была написана (вдруг еще перестанут кормить!), а вскоре дело пошло на поправку.

Молодость и крепкий от природы организм взяли свое; через некоторое время он стал понемногу выходить и даже решился однажды пойти к знакомому студенту-медику не то на Петербургскую, не то на Выборгскую сторону. Добрался до него с трудом и там засиделся до позднего вечера. А на обратном пути сильно прозяб - холодная шинель плохо защищала от ноябрьского ледяного ветра.

Мечтая поскорее лечь и согреться, он постучался в двери унтер-офицерского домика. На стук его долго не откликнулись, а затем голос из-за запертой двери сообщил, что в дом его больше не пустят, что в его комнате уже поселился другой жилец, а в счет долга хозяева взяли себе его имущество на основании имевшейся у них расписки.

Что было делать? Попробовал кричать, браниться, угрожать, все было бесполезно. Так и остался он на улице, на холоде, один, без вещей, еще не оправившийся после тяжелой болезни.

- Пошел я, - вспоминал об этом в конце жизни Некрасов, - хорошенько не сознавая, куда иду, на Невский проспект и сел там (кажется, около Доминика) на скамеечку, которые выставлялись на улицу для посетителей. Озяб. Чувствовал сильную усталость и упадок сил. Наконец заснул. Разбудил меня какой-то старик, оказавшийся нищим, который, проходя мимо, сжалился надо мной.

Нищий привел его на Васильевский остров. На одной из отдаленных линий, в самом конце улицы, стоял деревянный полуразвалившийся домишко. Кругом пустырь. Вошли они в большую накуренную комнату, полную нищими, стариками, старухами и детьми. В одном углу пили водку, в другом - играли в карты. Подойдя к ним, старик сказал:

- Вот грамотный, а приютиться некуда. Дайте ему водки, иззяб весь. Какая-то старуха постлала ему на нарах постель из рогожи и лохмотьев, он лег и крепко уснул. А когда утром проснулся, комната была пуста, все нищие разошлись, только старуха ждала его пробуждения. Она попросила написать ей "аттестат" - видно, грамотные люди не часто встречались в ночлежке для нищих. Выяснив, что такое "аттестат", он составил со слов старухи нечто вроде свидетельства о бедности, которое начиналось такими словами: "Милостивейшие господа и госпожи! Великодушнейшие благодетели! Воззрите на слезы злополучной вдовы..." Написав этот документ, он получил за свой труд пятнадцать копеек.

- С ними пошел разживаться, - так с усмешкой закончил Некрасов один из своих рассказов о горьких днях молодости.

* * *

Еще во время подготовки к экзаменам Некрасов, вероятно, через Фермера познакомился с штабс-капитаном Григорием Францевичем Бенецким, преподавателем Дворянского полка и Павловского кадетского корпуса, и тот постарался облегчить бедственное положение юноша. В автобиографии поэта об этом говорится так: "Перебиваясь изо дня в день, я насилу добыл место гувернера у офицера Бенецкого - содержателя пансиона для поступления в инженерное училище. За сто рублей ассигнациями в месяц я обучал его десяток мальчиков с утра до позднего вечера".

По-видимому, Некрасов был в пансионе не столько гувернером, сколько репетитором - должность, к которой он был мало расположен. Но все же те месяцы, что он занимался подготовкой мальчиков "по всем русским предметам" к поступлению в училище, в некоторой степени облегчили его трудную жизнь. Бенецкий оказался человеком благожелательным и заботливым. Именно он, по словам Некрасова, советовал ему собрать стихи и напечатать отдельной книжкой; он же вызвался помочь их распространению.

Некрасов, конечно, и сам помышлял о таком сборнике. Летом 1839 года он уже представил в цензуру рукопись будущей книжки, куда включил сорок четыре стихотворения (некоторые из них, как мы знаем, были до этого напечатаны в журналах и газетах). Вскоре

последовало цензурное разрешение, а Бенецкий тем временем заранее продал "по билетам" до сотни экземпляров своим ученикам. Теперь юного автора начали мучить сомнения - издавать ли сборник? Положение осложнилось тем, что вырученные деньги были уже прожиты. После некоторых раздумий, не зная, как поступить и с кем посоветоваться, он внезапно решил отправиться к Василию Андреевичу Жуковскому, старому и знаменитому поэту. Жуковский жил близ Зимнего дворца. Он довольно ласково встретил начинающего автора. Некрасов вспоминал позднее, как навстречу ему вышел седенький согнутый старичок: узнав, в чем дело, он взял уже отпечатанные листы книжки и велел прийти через три дня. В назначенный срок Некрасов явился за ответом. Жуковский указал ему одно или два стихотворения как порядочные, а об остальных сказал: - Если хотите напечатать, то издавайте без имени. Впоследствии вы напишете лучше и вам будет стыдно за эти стихи.

Не печатать было нельзя, и Некрасов решил послушать доброго совета. Он снял свое имя с обложки и заменил его инициалами - Н. Н. Через некоторое время, в начале 1840 года (не раньше февраля), его первая книга вышла из печати. Она называлась "Мечты и звуки".

Распространению книжки способствовал не только Бенецкий, но и офицер Николай Фермер, В воспоминаниях Д. В. Григоровича, воспитанника инженерного училища, сохранился рассказ о том, как этот офицер однажды вошел в рекреационный зал, держа в руках пачку тоненьких брошюр в бледно-розовой обертке. Предлагая покупать их, он рассказал, что автор стихов, заключавшихся в брошюрах, молодой поэт, находится в стесненном денежном положении".

Тем временем сам счастливый автор отправился в магазин и отдал свою книгу на комиссию. Чем это кончилось, известно. Это рассказано самим Некрасовым в одной из его автобиографий: "... Прихожу в магазин через неделю - ни одного экземпляра не продано, через другую - то же, через два месяца - то же. В огорчении отобрал все экземпляры и большую часть уничтожил. Отказался писать лирические и вообще нежные произведения в стихах".

* * *

Как ни скромно то место, какое занимает сборник "Мечты и звуки" в творческой биографии автора, однако при своем появлении он был сразу замечен критикой. В печати появилось не менее семи отзывов о первой книжке "г. Н. Н.", как называли Некрасова рецензенты. Многие из них были благосклонны к автору, хотя не забывали подчеркнуть его молодость и снисходительно упомянуть о "первых опытах юношеского пера". Среди первых рецензентов были и видные литераторы - Н. А. Полевой и П. А. Плетнев опубликовали небольшие заметки о "Мечтах и звуках" в журналах "Библиотека для чтения" и "Современник". Они положительно оценивали дарование молодого автора, делая ему, впрочем, некоторые замечания.

В то же время "Литературная газета" дала уничтожающую оценку книжке. "Название "Мечты и звуки" совершенно характеризует его стихотворения, - писал рецензент. - Это не поэтические создания, а мечты молодого человека, владеющего стихом и производящего звуки правильные, стройные, но не поэтические. Со временем, мы уверены, он сам убедится в этом..."

Все эти рецензии, среди которых было немало одобрительных, как будто не произвели большого впечатления на дебютанта. Когда же в "Отечественных записках" 1840 года он прочитал еще один отзыв - лаконичный, безжалостный и неотразимый в своей справедливости, тогда он не мог остаться равнодушным; это был отзыв Белинского.

Не больше одной журнальной страницы посвятил "Мечтам и звукам" критик. Но эти немногие строчки потому так задели за живое молодого поэта, что он нашел в них "более правды и меньше насмешек", чем в других рецензиях. Словам Белинского суждено было оказать решающее влияние на представление Некрасова о поэзии, на его отношение к собственному творчеству.

В рецензии не было разбора стихотворных опытов начинающего автора; критик ограничился тем, что высказал свои мысли об истинной поэзии, о том, что отличает ее от гладких виршей. Признавая в авторе "человека с душой", Белинский писал: "Вы видите по его стихотворениям, что в нем есть и душа, и чувство, но в то же время видите, что они и остались в авторе, а в стихи перешли только отвлеченные мысли, общие места, правильность, гладкость, и - скука. Душа и чувство есть необходимое условие поэзии, но не ими все оканчивается: нужна еще творческая фантазия, способность вне себя осуществлять внутренний мир своих ощущений и идей и выводить во вне внутренние видения духа. Но если этой способности в вас нет, то сколько вы ни пишете и как красиво ни издавайте ваших стихотворений, вы не дождетесь от читателей ни восторга, ни сочувствия..."

Решительно отделяя автора книги от стихотворцев, лишенных всякого чувства, всякой мысли, не умеющих владеть стихом и способных только позабавить читателя своей бездарностью, критик в то же время заканчивал рецензию строгим приговором: "... прочесть целую книгу стихов, встречать в них все знакомые и истертые чувствованья, общие места, гладкие стишки, и много-много, если наткнуться иногда на стих, вышедший из души, в куче рифмованных строчек, - воля ваша, это чтение или, лучше сказать, работа для рецензентов, а не для публики..."

Надо сказать, что суровый отзыв Белинского был справедлив по существу, но все-таки его недостаточно, чтобы получить представление о первом сборнике Некрасова. Бесспорно, перед нами первые шаги будущего поэта. Но в этой книжке есть стихи, которые при всей их незрелости позволяют сказать, что уже в те ранние годы Некрасов искал и угадывал свою тему, нащупывал большие вопросы. Мы уже говорили о стихотворении "Жизнь", где поэт обращался к обществу с упреками в "бездейственной лени". В этом ряду стоит стихотворение "Тот не поэт", показывающее, что Некрасову уже тогда было свойственно довольно широкое понимание цели и смысла поэзии:

... Кто юных лет губительные страсти
Не подчинил рассудка темной власти,
Но волю дав и чувствам и страстям,
Пошел как раб вослед за ними сам,
Кто слезы лил в годину испытанья
И трепетал под игом тяжких бед,
И не сносил безропотно страданья,
Тот не поэт!

... Кто у одра страдающего брата
Не пролил слез, в ком состраданья нет,
Кто продает себя толпе за золото,
Тот не поэт!

Некоторые мотивы первого сборника Некрасова впоследствии получили развитие в его зрелой лирике. Были в нем отголоски народной поэзии ("Пир ведьмы"), были стихи, написанные знакомым некрасовским размером - именно тем, который позднее прочно утвердил в русской поэзии Некрасов. Такова в его первом сборнике "Песня". Вот ее начало:

Мало на долю мою бесталанную
Радости сладкой дано,
Холодом сердце, как в бурю туманную,
Ночью и днем стеснено...

И в то же время резкие слова Белинского - это и были те самые слова, в которых больше всего нуждался молодой поэт. Критик подошел к его стихам с высокими требованиями, какие он предъявлял к поэзии вообще. Его не могли удовлетворить ни идеальные "мечты", ни самые гармонические "звуки", если за ними не стояла зрелая, мысль, если талант автора не был обращен к насущным вопросам жизни. Белинский видел известные достоинства первых опытов Некрасова (упомянул же он о стихах, "вышедших из души"), но эти достоинства потонули для

него в "куче рифмованных строчек", а за ними он видел следы прямых литературных влияний - отзвуки Жуковского и Лермонтова, Подолинского и Бенедиктова.

И надо отдать должное Некрасову: как ни огорчил его суровый приговор "Отечественных записок", он нашел в себе мужество признать его справедливым.